

EVGENIY YABLOKOV (ЕВГЕНИЙ ЯБЛОКОВ)

<https://orcid.org/0000-0002-7926-1689>

БУЛГАКОСОФИСТИКА

«*Вечный Дом*» *Михаила Булгакова*, ред. М. Ю. Савельева, Т. Д. Суходуб, Г. Е. Аляева, Центр гуманитарного образования НАН Украины, Общество русской философии при Украинском философском фонде, Киев 2021, 628 с.

«*Вечный Дом*» *Михаила Булгакова*, как объявлено в аннотации сборника, «охватывает анализ» (с. 4) разных аспектов деятельности и биографии писателя, то есть вроде бы литературоведческий. Между тем поставленный на книге индекс УДК относит ее к категории «история философии». Причина в том, что этот сборник — шестой в серии «Киевомышление», а она производится специалистами в области *философских* наук, и почти половина участников «*Вечного Дома*» — доктора и кандидаты тех же наук. Поэтому да простят меня коллеги-литературоведы — об их статьях в основном умолчу. Не потому, что они неинтересны или одинакового качества (есть среди них хорошие, есть и плохие), — просто тем, кто занимается творчеством Булгакова, почти все эти авторы достаточно хорошо известны¹. А вот читать сочинения украинских эссеистов с философскими учеными степенями раньше не доводилось; хотя по текстам их российских коллег знаю, что писания философов (назовем их так) на литературные темы — тексты особого рода. И «*Вечный Дом*» вполне это подтверждает.

¹ Например, многие из них участвовали в двух сравнительно недавних петербургских сборниках: *М. А. Булгаков: pro et contra, антология*, сост. О. В. Богданова, РХГА: Санкт-Петербург 2021. 992 с.; *Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: диалог с современностью: коллективная монография*, сост. и отв. ред. О. В. Богданова, РХГА, Санкт-Петербург 2020. 653 с.

Начнем с того, что непонятна жанровая природа книги: то ли это сборник научных статей, то ли свод лирических монологов на околобулгаковские темы — имеются тексты обоих типов. Неясна также целевая установка: некоторые статьи появились давно и теперь републикованы, другие же написаны специально для «Вечного Дома». Неоднозначно и заглавие. Составители, видимо, стремились «сделать красиво», но дело в том, что похищенное из романа *Мастер и Маргарита* сочетание «вечный дом» оценочно двойственно: при всей романтической возвышенности в нем просвечивают «могильные» коннотации. Между прочим, одна из составительниц, Марина Савельева, пишет про подвал мастера, что это «подземное» место — «промежуточное пребывание на пути к “вечному Дому”» (с. 301). Зачем же дали сборнику заглавие с хтоническим оттенком? Станный какой-то образ для коллективного труда, тем более в сочетании с забавным названием серии — «Киевомышление».

Еще страннее становится, когда вникаешь в арифметические подробности. Из 620 страниц книги пятьсот отведено под статьи шестнадцати авторов (в среднем по тридцать на душу), зато 120 страниц занимают *четыре текста одного автора* — упомянутой Марины Савельевой. Как говорится, своя рука — владыка. Имя обладательницы этой руки раньше мне не было известно, но после ее четырехактного булгакософствования запомнится надолго. Стиль в целом можно охарактеризовать так: бездоказательные рассуждения при неважном знании материала, к тому же с множеством речевых, грамматических и прочих ошибок.

Сперва идет написанное г-жой Савельевой введение под вызывающим некоторую оторопь заглавием «*С вами сейчас будет говорить провинция...*» (с. 5). Основу этого текста составляют домыслы про некую особую «провинциальность» Булгакова (с. 7–9), а также про какую-то «провинциальность стиля» (с. 13). Забегая вперед, скажу, что в дальнейшем автор не подкрепит эти идеи ничем. Так же обстоит дело с пресловутым «киевомышлением»: провозгласив, вслед за Мироном Петровским, что родной город присутствует во всем творчестве Булгакова — «покинутый в момент наименьшей известности своей судьбы (?! — Е.Я.), Киев остался в сознании писателя не только нравственным приговором, но и сюжетным и мировоззренческим алгоритмом создания всех его произведений» (с. 9), — г-жа Са-

вельева не приведет никаких аргументов, только в связи с *Белой гвардией* опять процитирует того же Петровского (с. 98).

Непосредственно за введением следует ее же статья *Человек и власть в утопиях Михаила Булгакова*. Утопиями г-жа Савельева почему-то считает *Роковые яйца* и *Собачье сердце*, хотя, например, в *Философской энциклопедии* утопия определяется как «изображение идеального общественного строя [...] либо [...] проекта социальных преобразований, ведущих к его воплощению в жизнь»² — ничего подобного в булгаковских повестях нет.

В статье немало интересного даже в чисто языковом плане. Например, сообщено, что «в основе создания характера персонажей писатель клал не общественную значимость, а личную ценность» (с. 35). Вызывает недоумение пассаж, где автор сперва пишет, что в рецензии на *Дни Турбиных* Владислав Ходасевич «выступил изобличителем большевицкого “нутра” Булгакова» (с. 28), затем на двух страницах приводит текст этой самой рецензии (с. 28–30), после чего «объясняет»:

Конечно, можно было бы рассматривать поступок Ходасевича как своеобразную услугу и, навязав ему собственную интерпретацию социальной позиции писателя. И этому вполне можно было бы поверить, будь у них крепкая дружба. Но этого не было, и появление столь обширной апологетической рецензии наверняка должно было насторожить писателя (с. 30).

Вот и поди пойми, ругал или хвалил, — да и вообще пойми хоть что-нибудь... Даже в цитатах из Булгакова г-жа Савельева допускает ошибки. Раздел назван *«Великие усилия стать беспристрастно (подчеркнуто мной — Е.Я.) над красными и белыми...»* (с. 15), но дело в том, что во фразе из письма Булгакова советскому правительству от 28 марта 1930 г. стоит слово «бесстрастно».

Особенно много внимания уделено *Собачьему сердцу*. Автор без затей пересказала выдумки Елены Степанян, про которую мне доводилось писать более десяти лет назад³. Вслед за ней г-жа Савельева заявляет, будто профессором Преображенским руководит «идея» (с. 41), во имя которой он ставит экспери-

² Э. Араб-Оглы, *Утопия и антиутопия // Новая философская энциклопедия*. Мысль, Москва, т. 4, 2010, с. 152.

³ См.: Е. Яблоков, *Беспокойное «Собачье сердце», или Горькие плоды легкого чтения*, «Октябрь» 2010, № 3, с. 166–177.

мент — «сознательно играет с силами природы, пытается стать выше природы, исправлять то, что принимает за ее “ошибки”» (с. 36). Текст повести она знает нетвердо, иначе помнила бы запись Борменталья: «[...] постановка опыта [...] для выяснения вопроса о приживаемости гипофиза, а в дальнейшем — о его влиянии на омоложение организма у людей»⁴. Вот и вся «идея», не более того. А что касается «исправления ошибок природы» — интересно бы знать: пользовалась ли когда-либо г-жа Савельева услугами какого-нибудь врача? И если да — осознавала ли в тот момент, что сама вознамерилась стать «выше природы» и «исправить то, что принимает за ее ошибки»? Ибо в этом вообще-то суть медицины...

По Степанян и Савельевой, Преображенский — обыватель (с. 48), «раб квартирного вопроса» (с. 43), притом ему свойственны «алчность, надменность и грубость» (с. 48). А вот Шариков «не настолько опасен, как кажется, [...] нет в нем ледящего смертного начала, перед которым должен трепетать мир» (с. 44), — душитель котов с револьвером для отважной г-жи Савельевой ближе, чем профессор с микроскопом. Про Швондера же вообще практически не говорится, его роль (как и роль тех, кто за ним стоит) считается несущественной. С таким идейным багажом философ Савельева долго рассуждает на всякие отвлеченные темы, вроде того что лучше бы Преображенскому не умничать, ибо тяга к знанию — штука дьявольская (с. 38), недаром «все мастера неминуемо оказываются в сумасшедшем доме или на кладбище» (с. 55). Видимо, мы должны сделать вывод, что «не-мастерам» удастся избежать столь печального исхода...

Справедливости ради замечу, что примерно такие же мысли высказывает в сборнике литературовед Рита Джулиани. По ее мнению, Преображенский «бросает вызов гармонии и мудрости созданного мира», его эксперимент — «жестокое и рискованное предприятие», вследствие которого на свет появляется «грубое и примитивное и в то же время беззащитное существо» (с. 369). Булгаков-де был «чуток к проблеме употребления и злоупотребления наукой», а злоупотребляет ею как раз Преображенский: «[...] природа, жизнь — святы и неприкосновенны, и человеку не дано проникать в тайну их становления, разве что ценой насилия и риска создавать такие чудовища, как человека-собаку»

⁴ М. Булгаков, *Собрание сочинений в восьми томах*, т. 2, АСТ: Астрель, Москва 2008, с. 199.

(с. 373). Одним словом, долой медицину, а вина за все фокусы тоталитарного режима лежит на ученых. Между тем очевидно, что за разгул Шарикова и ему подобных ответственны те же, кто, например, в повести *Роковые яйца* расплодил «драконов» вместо кур: прежде всего — деятели «из Кремля», снабдившие невежественного Рокка «бумагой»⁵, по которой он реквизирует камеры, созданные благодаря случайному открытию Персикова.

А вот г-жа Джулиани провозглашает, что главное зло воплощает Преображенский — он-де склонен не только фабриковать монстров, но и манипулировать ими:

[...] это всего лишь несчастные гибриды, на пути которых в любую минуту может стать некий циничный Филипп Филиппович, который, как злодей-кукольник, будет дергать их за ниточки, предопределив тем самым их дальнейшую судьбу (с. 374).

Вот кто, оказывается, всем управляет! Попутно она выдает поистине смехотворную интерпретацию комедии Маяковского *Клоп*, переворачивая всё в ней с ног на голову: «[...] между “старым”, воплощенным в клопе, и “новым” — в Присыпкине, который под видом настоящего коммуниста прячет сердце филистера, лучше старое: клоп!» (с. 375). На это и возражать уже не хочется; но могу представить реакцию самого Маяковского, если б он услышал, что в его комедии клоп противопоставлен Присыпкину как положительный персонаж...

Однако не спешите расслабляться — впереди еще сотня страниц г-жи Савельевой. Ее третий опус — *Душа русской усобицы* — трактует про «параллели гражданских позиций» (с. 69) Булгакова и Волошина, которого она запросто именуется Максом. Сперва идут глубокомысленные рассуждения про то, чем гражданская война отличается от усобицы (с. 70–76), причем «усобицу» в *Белой гвардии* г-жа Савельева представляет, в частности, так: «Тревожно расширенные зрачки принявшего морфинную дозу заглушить боль от раны...» (с. 75); возникает у нее и какой-то «военный врач полковник Алексей Турбин» (с. 94), хотя у Булгакова врач не является полковником, а полковник — врачом. Идут замысловатые фразы про войну: «[...] покончив с открытыми военными действиями, война переходила в скрытое состояние» (с. 88); «их [Волошина и Булгакова — Е.Я.] отношение

⁵ Там же, с. 100–101.

к войне и манере ее понимания трудно назвать единомышленными» (с. 88); «Булгаков был настойчив в том, что гражданская война не дает возможности услышать в тишине собственную мысль» (с. 89); «гражданская война есть состояние крайнего отчуждения, проходящего тараном в первую очередь по семьям» (с. 89); «Булгаков, в отличие от Волошина, описывал военное истребление людей документально» (с. 90); «Волошин был старше Булгакова [...] на целое поколение, успевшее изрядно поколесить за пределами родины» (с. 91); «Чем сильнее художественный вымысел писателя, тем точнее он определен топографически, по рукам и ногам связан и обязан предметной реальной, иногда даже гиперреальной, субстанциально плотной средой» (с. 97). И далее в таком духе.

Характерен финал статьи, где г-жа Савельева резюмирует:

[...] Максимилиан Александрович и Михаил Афанасьевич стояли на известной позиции, согласно которой каждому дано по его вере. И действительно — как-то всё у них в конце концов складывалось (с. 100).

Затем она пытается подчеркнуть сходство заключительного монолога Маргариты и стихотворения Волошина, обращенного к жене; да вот беда — «объясняющая» фраза по неграмотности построена так, что волошинский фрагмент приписан Булгакову и наоборот (с. 100). Этой путаницей текст и завершается.

Апофеозом рассуждений г-жи Савельевой являются откровения про роман *Мастер и Маргарита*, тоже в особой статье. Не буду изнурять и так уже небось утомленного читателя разбором этого семидесятистраничного текста. Но в порядке рекламы скажу, что глубокомыслие тут достигает особо высокого градуса. Вот несколько суждений: «Мастер, если и герой, то “не своего времени” и уже потому не может быть кем-то еще, кроме себя самого» (с. 293). Импрессионизм, по версии г-жи Савельевой, возник оттого, что «у многих художников были проблемы со зрением; отсюда и вся эта эфемерность, размытость, дымчатая загадочность и перетекание видимого в кажущееся. [...] И кто знает, не шел ли Булгаков тем же путем, отыскивая нужные образы в морфинистском бреде?» (с. 317). «Мастер любит копаться в себе, а Иешуа о себе не думает» (с. 324). «Дальше силится подозрение» (с. 327) — это такая отдельная фраза. «Встретив Мастера, силы ее [Маргариты — Е.Я.] характера оказалось недостаточно» (с. 336). «Пилат не только не ведает о местных ре-

лигиозных сентиментализмах, но и в целом не верит в богов» (с. 342). Ну и наконец — про Булгакова: «Он во всем стремился видеть личную нужду и удовлетворение. Поэтому у него не получалось всегда достигать цели. Он писал много, но не воспринимался официальным мнением» (с. 352).

А теперь — самое интересное. Марина Савельева не просто заполнила своими писаниями 120 страниц. В выходных данных указано, что она самолично *сверстала* книгу, сделала *макет обложки* да к тому же изобразила собой *корректора* (с. 626). Про макет и верстку говорить не стану, но так называемая «корректур» ниже всякой критики: у самой г-жи Савельевой ошибки чуть ли не на каждой странице — верстальные, пунктуационные, грамматические, речевые, порой даже орфографические.

На ее фоне булгакологические штудии других философов смотрятся, конечно, не столь эффектно, но интересного все же немало. Вот, например, статья трех авторов — двух докторов (Григория Волынки и Натальи Мозговой) и одного кандидата (Владимира Дорошкевича) философских наук под названием *Хронотоп последней пьесы М. А. Булгакова «Батум»*. Самое интересное в ней то, что авторы не знают значения термина «хронотоп». Речь тут вовсе не про время-пространство драмы, а про биографию дяди драматурга — Николая Ивановича Булгакова, служившего в тифлисской семинарии; авторы так и говорят: «[...] его судьба будет одним из главных объектов нашего интереса» (с. 466), — а в финале сообщают, что «задумались над духовным взаимовлиянием в хронотопе творческих личностей» (с. 485). Составителям сборника, видно, тоже невдомек — иначе приняли бы меры, чтобы исправить смехотворную ошибку.

Еще два доктора философских наук — Вера Лимонченко и Виктор Малахов — высказываются (не вместе, а порознь) о Булгакове в свободном стиле. То есть перепархивая с пятого на десятое, излагая субъективные впечатления и, соответственно, не затрудняясь аргументацией. Первая в статье «*Чистые*» и «*нечистые*» в *мире советского опыта* почему-то сопоставляет произведения Булгакова с бодлеровскими *Цветами зла*; второй в статье *Онтология дома: размышления по мотивам творчества Михаила Булгакова* рассуждает всё больше о Хлебникове. Почему? Ну, видно, потому, что им так хочется.

Наконец, последняя (по порядку, но не по значению) представительница философской когорты — и, кстати, одна из составительниц сборника — кандидат наук Татьяна Суходуб. В статье с многообещающим заголовком *Только через страдание приходит истина...* читателя заставляют страдать при помощи таких вот фраз: «[...] уметь философски мыслить — это еще не значит умело выстраивать силлогизмы, так как последнее является сутью иным умением» (с. 506). Отказываясь от силлогизмов, автор прибегает к возвышенному стилю: «[...] для того, чтобы мочь “играть”, звездам нужно быть укрытыми “черным небом”» (с. 510); до Гоголя и Булгакова «преступно не дорастать», а гоголевские и булгаковские герои «характерны для человека вообще как некоего типа» (с. 527). Тут же сообщено, что Булгаков мечтал быть укрытым «гранитной шинелью» Гоголя (с. 526), — хотя в письме к Павлу Попову от 30 января 1932 г. он, обращаясь к Гоголю, восклицал: «Укрой меня своей *чугунной* шинелью!»⁶ [курсив мой — Е.Я.]. И так далее, и тому подобное.

Есть у г-жи Суходуб еще один текст в сборнике — общее заключение под оптимистичным названием *Меч исчезнет, а вот звезды останутся...* Здесь всё, в общем, в том же стиле: говорится про читателей, следующих «за Мастером, выписывающим свое прозрение судеб страны» (с. 613); про то, что «все чаще творчество Булгакова рассматривается не только в контексте анализа содержания внутренних его форм, но идет и по внешним контурам» (с. 614). Ну и, само собой, про звезды из *Белой гвардии* — мол, не худо бы нам всем «вглядеться [...] в их свет повнимательней» (с. 618). Что ж, взглядимся напоследок. Жаль, не ведает г-жа Суходуб, что звезды в булгаковском романе не только *небесные* (причем как христианские — атрибут «всенощной»⁷, так и языческие — Венера и Марс⁸), но к тому же *красноармейские* («тучей, говорят, идут»⁹), а еще — *сифилитические*: вспомним «звездную сыпь»¹⁰ на груди Ивана Русакова. В какие будем вглядываться?

⁶ Там же, т. 8, с. 147. Справедливости ради стоит заметить, что стоявшая с 1909 до 1951 г. в Москве на Пречистенском (ныне Гоголевский) бульваре статуя Гоголя работы Николая Андреева отлита не из чугуна, а из бронзы; но уж никак не каменная.

⁷ Там же. Т. 1, с. 347.

⁸ Там же, с. 32, 344–345.

⁹ Там же, с. 336.

¹⁰ Там же, с. 173.

RECENZJE

Это всего один из десятков и сотен вопросов, возникающих на почве булгакосовских статей в «Вечном Доме». Однако задавать их неохота — по вышеизложенным причинам.

Декабрь 2021 г.

REFERENCES

- Arab-Ogly, Edvard. “Utopiya i antiutopiya.” *Novaya filosofskaya enciklopediya*. Т. 4. Moskva: Mysl', 2010: 152 [Араб-Оглы, Эдвард. “Утопия и антиутопия”. *Новая философская энциклопедия*. Т. 4. Москва: Мысль, 2010: 152].
- Bulgakov, Mihail. *Sobranie sochinenij v vos'mi tomakh*. Moskva: AST; Astrel', 2007–2011 [Булгаков, Михаил. *Собрание сочинений в восьми томах*. АСТ; Астрель, Москва 2007–2011].
- М. А. Bulgakov: *pro et contra, antologiya*. O.V. Bogdanova (Ed.). Sankt-Peterburg: RHGA, 2021. [М. А. Булгаков: *pro et contra, антология*. Сост. О. В. Богданова. Санкт-Петербург: РХГА, 2021].
- Roman M. Bulgakova “Master i Margarita”: *dialog s sovremennost'yu: kollektivnaya monografiya*. O.V. Bogdanowa. (Ed.). Sankt-Peterburg: RHGA, 2020 [Роман М. Булгакова “Мастер и Маргарита”: *диалог с современностью: коллективная монография*. О. В. Богданова. (Ред.). Санкт-Петербург: РХГА, 2020].
- Yablokov, Evgenij. “Bespokojnoe «Sobach'e serdce», ili Gor'kie plody legkogo chteniya.” *Oktyabr'*, 2010, no. 3: 166–177 [Яблоков, Евгений. “Беспокойное «Собачье сердце», или Горькие плоды легкого чтения.” *Октябрь*, 2010, no. 3: 166–177].